

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМ ИМЕНЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ В.П. АСТАФЬЕВА

О.В. Шевернинова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Прецедентные имена образуют в антропонимном пространстве произведений В.П. Астафьева наряду с именованиями действующих лиц полноправный семантико-функциональный сегмент, составляющие которого определяют главные конститuentы авторского видения национальной концептосферы. Актуальность исследования продиктована аксиологической значимостью смыслового содержания индивидуальной авторской картины мира, репрезентированной прецедентными именами.

«Помещение» автором прецедентных имен в соответствующий художественный контекст активизирует их предметно-образные значения, посредством которых и осуществляется апелляция к фоновым знаниям представителей лингвокультурного сообщества. Глубинность социопрагматической наполняемости и насыщенность ассоциативного поля прецедентных имен в художественном пространстве раскрывается при анализе таких единиц в сравнительных конструкциях, где они выступают в роли оценочного стереотипа. Исследователь Ю.В. Курбакова справедливо отмечает, что прецедентные имена «гораздо проще ассоциируются в сознании с определенным эталоном, образом поведения, становятся символами и приобретают оценочность» [5; 126].

Цель статьи – установить социопрагматические особенности прецедентных имен собственных в сравнительных конструкциях в творчестве В.П. Астафьева.

Материал и методы. Фактический материал исследования составили сравнительные конструкции с прецедентными именами собственными, выделенные методом сплошной выборки из произведений В.П. Астафьева, в частности «Последний поклон» (в 2-х томах), «Прокляты и убиты», «Царь-рыба».

Методологический инструментарий составили качественно-количественный, статистический анализ и дескриптивный метод для обобщения и интерпретации полученных данных, контекстуальный анализ для выявления социопрагматической информативности прецедентных имен собственных в сравнительных конструкциях.

Результаты и их обсуждение. Прецедентные имена, соотносимые с двумя (или более) субъектами или объектами, функционирующие в рамках сравнительной конструкции имеют следующие социопрагматические особенности. Во-первых, следует отметить высокую частотность использования таких конструкций в анализируемых произведениях В.П. Астафьева по сравнению с выявленными метонимическими (в 1,2 раза) и метафорическими преобразованиями (в 1,7 раза). Во-вторых, чаще всего в сравнительных конструкциях задействованы автором антропонимные единицы социокультурной сферы «Искусство: имена литературных персонажей». Такие онимы, на наш взгляд, имеют тесную взаимосвязь с прецедентным текстом. Их образы основываются на актуализации коннотаций, сформировавшихся посредством художественного текста и уже закрепленных в сознании носителей языка и культуры, что и предопределяет общепонятность имплицитных смыслов, заключенных в этих образах. Единично представлены такие сферы-источники, как «История: государственные и политические деятели, представители народных движений», «Искусство: эстрадные певцы».

Актуализация социопрагматической информативности прецедентных антропонимов в художественном пространстве В.П. Астафьева осуществляется на основе:

1) прецедентного высказывания: *Ловкость рук и никакого мошенства, как говорил наш любимый герой Мустафа* [3; 334];

2) апелляции к прецедентному тексту: *Все язвительные бранные слова пришли мне на ум, как Коленьке Иртеньеву, после, когда я протопал уже версты четыре* [2; 396];

3) сходства ситуации: *Помню ясно еще один момент: кто-то подал мысль забраться на Караульный бык, чтобы обозреть с высоты родные просторы, за которые так люто все мы сражались, и чтоб я, как Стенька Разин, крикнул с утеса в честь Победы что-нибудь складное* [2; 414];

4) дифференциальных признаков прецедентного имени (см. подробнее работу В.В. Красных [4]): *Костлявый, ободранный, с помороженными щеками человек, отчетливо схожий ростом, статью да, наверное, и голосом с незабвенным заступником за всех бедных и обиженных, всевечным рыцарем Дон Кихотом* [3; 211].

При этом в качестве признаков могут выступать различные атрибуты (детали одежды, внешности и др.), например: *борода Хоттабыча, туфелька Золушки, одежда Пьеро, трубка Тараса Бульбы* и под. При этом автор может выбирать для сравнения одни и те же атрибуты, но соотносить их с разными прецедентными именами. Инвариант восприятия атрибута в таком случае сохраняется. Так, в повести «Последний поклон» В. П. Астафьев описывает поведение деда главного героя во время одной из перебранок с бабушкой следующим образом: *Тот выслушал бабушку сдержанно, лишь поскорбел лицом, и борода его, под Пугачева стриженная, раза два прошла вверх-вниз, чего бабушка, к несчастью, не заметила и вовремя не застопорила. Не дослушав до конца бабушку – и завелась она надолго, – дед пошел во двор, вывел коня Ястреба, вынул заворину из ворот, забросил ее в гуцу крапивы <...> за кладбищем телега загромычала по камешнику Фокинской речки, с бряком, звяком пронеслась в гору и исчезла в сосняке* [1; 174]. Автор сравнивает бороду деда с бородой Пугачева. Вариант восприятия этого прецедентного имени воплощает человека-бунтаря, но обладающего мудростью, мужественностью, отвагой и храбростью. Символом перечисленных качеств в народном славянском сознании является борода. Прибегая к такому сравнению, автор, с одной стороны, показывает бунтарский характер деда, а с другой – акцентирует внимание читателя на его мудрости не ругаться, а выждать время и в спокойной обстановке все обсудить. В этой же повести автор выбирает для описания поведения предводителя стаи диких коз сравнение «с бородой чудаковатого волшебника Хоттабыча». При этом он снова апеллирует к значению лексемы «мудрый», что и подчеркивается в тексте наличием данного определения. Однако использование другого прецедентного имени с рассматриваемым атрибутом меняет смыслопорождающий вектор и создает абсолютно иной образ: *Стрелять в этого мудрого козла с бородой чудаковатого волшебника Хоттабыча, в эту новогоднюю, зимнюю ночь, в тишину, в белую сказку!* [2; 268].

Частота использования атрибутов в качестве основы сравнительных конструкций и объем семантической наполняемости этих единиц в контексте перемещают данные элементы с периферии семантической структуры прецедентного имени в зону околядерного пространства.

Заключение. Спецификой авторского расширения социопрагматической информативности прецедентных имен в творчестве В.П. Астафьева является функционирование прецедентных имен в сравнительных конструкциях с частотным обращением к сфере-источнику «Искусство: имена литературных персонажей». Продуктивной формой реализации семантической усложненности прецедентного имени в сравнительных конструкциях выступает акцентуация дифференциальных признаков прецедентного имени (53% от всех случаев употребления).

1. Астафьев, В.П. Последний поклон: Повесть: в 2 т. / В.П. Астафьев. – Изд. доп. и испр. – М.: Мол. Гвардия, 1989. – Т. 1. Кн. 1. Кн. 2. – 336 с.

2. Астафьев, В.П. Последний поклон: Повесть: в 2 т. / В.П. Астафьев. – Изд. доп. и испр. – М.: Мол. Гвардия, 1989. – Т. 2. Кн. 2 (Продолжение). Кн. 3. – 432 с.

3. Астафьев, В.П. Прокляты и убиты: роман / В.П. Астафьев. – М.: Эксмо, 2009. – 800 с.

4. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

5. Курбакова Ю.В. Национально-прецедентные феномены и единицы с метафорическим значением в СМИ (на материале современных американских журналов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю.В. Курбакова; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2006. – 173 с.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ РОМАНА УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

В.Г. Шилина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В современной литературе огромной популярностью пользуется текстопорождающая и смыслообразующая категория текста – «интертекстуальность». В узком понимании этого термина, текст произведения имеет отсылки к конкретному другому тексту. Видится актуальным